

14 липня 1947, б.м.в. Лист Мирослава Сороки „Птаха” до керівника Дрогобицького обласного провуду ОУН-Б Лавріва „Нечай” про ситуацію в районі

Копия с копии

Слава Украине!

П[остой] , 14 VII 1947

Друже „Нечай”!

Вашу эстафетку, материалы, большевистскую прессу и почту от д. Ингула¹ получил. Курьеры от Вас, которые пришли с д. „Соколом”, вернулись ни с чем. Это потому, что сейчас тут операция, которую противник начал против нас, небывалого до этого размера. Поэтому д. „Сокол” не мог скоро договориться, а они не хотели ждать и вернулись. Однако, не было уж тут такого положения, чтобы нельзя было обождать. На самом деле действительная причина их возвращения была та, что их немного голод прижал. А потому на будущее прошу высылать людей выдержанных, настоящих революционеров, которые не уйдут, не разрешив дела. А не таких, как эти, которые не видали день или два хлеба и уже „давай назад, а то пропадем”.

Так как сейчас здесь нет пров. З., посылаю д. „Сокола” только с литературой. Почта с материалами будет в следующий раз. Друга „Сокола” прошу не задерживать, пусть только возьмет почту, какая есть и пусть возвращается. С ним прошу прислать несколько человек. Только еще раз указываю, людей верных и выдержанных. Они ознакомятся тут с мертвым пунктом, возьмут почту и вернутся. При этом надо отметить, что людям от вас все есть и будет легче перейти на эту сторону. Тут только затруднение в переходе границы, которая хотя и хорошо охраняется, но охраняется только со стороны большевиков. А так, тут кругом спокойно, к тому же большие комплексы лесов. Нужно только взять с собой питание на 2–3 дня, чтобы не заходить в села. Такого блуждания, какое было у них, теперь уже не будет, потому что сейчас операция почти кончилась, а если бы и была, то наша тактика уже к ней приспособлена.

Ввиду того, что, как я уже указывал, нет пров. З., а также нет отчетов о теперешнем состоянии на Закерзоньи, то я постараюсь хотя бы кратко рассказать про ход операции противника и вообще про ситуацию на этих территориях. Одновременно прошу Вас сообщить об этом своему руководству (зверхникови).

Осень [19]46 и зима 1946–1947 г. Прошла спокойно. Противник не проводил больших операций. Осенью время от времени по территории проходили отряды ВП (войска польского), которые старались помешать нам в заскладировании продуктов на зиму. Зимой тоже были случаи, но уже из-за предательства. Из-за такого предательства погибло техническое звено на Ярославщине и санитарная группа на Лемковщине, в которой насчитывалось 16 человек.

Наши отряды совершили успешный пропагандистский рейд по польской территории. По этому случаю были стянуты большие силы ВП, которые преградили дальнейший путь нашим отрядам в глубь Польши. В феврале месяце противник бросил большие силы на ликвидацию нашего движения в западной Лемковщине (Криннмчна). В том же месяце там погиб надрайонный проводник „Роберт”² и надрайонный пропагандист „Степова” (восточница). С тех пор становится более заметным, что противник подготавливается к большой операции против нас. В южные территории противник начинает стягивать все более частей ВП, которые пока ведут только разведывательную работу.

^aВ марте месяце на инспекцию этих войск приехал генерал Сверчевский, второй заместитель Жимерского. После инспекции в г. Балигороде (восточная Лемкивщина) он выехал со своей охраной (4 танкетки и около 60 солдат) по шоссе в направлении Чехословацкой границы до местности Тисной, где находится станция ВОП-у („Войско обороны погранича”). Наши отряды уже заранее узнали о том, что должен проезжать какой-то большой бандит, и под командою командира „Х[рона]” сделали на том же шоссе засаду. Место для засады очень подходящее. Доказательство этому – в прошлом году на этом же месте от нашей засады погибло 70 солдат ВОП-у, в чем противник признался только теперь.^{-a}

Засада была очень удачной и уже 28 III польское радио сообщило о смерти генерала Сверчевского, который погиб от пули УПА, при этом о его происхождении и всех заслугах перед „международной демократией”. Вся коммунистическая Польша заревела от злости и боли после утраты этого международного бандита, который даже в Испании проливал кровь, отстаивая большевистские интересы. Польский народ, узнав кто был этот „славный” патриот, который в течении 30 лет не мог вернуться на „родину”, радовался тому, что наши пули знали куда попадать. Об этой радости даже сообщили по радио польские коммунисты. Конечно, радовались и сыны Испании, когда узнали, что нет одного из тех бандитов, который так кроваво расписался на стенах Альказара. Об этой смерти сообщили все европейские радиостанции. Похороны с большой парадностью состоялись в Варшаве, куда самолетом перевезли убитого. На похоронах были

представители многих держав, главным образом, большевистских сателлитов. На похоронах во всех речах, которые произносились, сыпались угрозы по нашему адресу и всякие призывы к мести.

Возвращаясь еще к засаде, можно сказать, что наши отряды полностью разбили охрану этого бандита, подбив при этом две танкетки. Две танкетки удрали, оставив тело генерала. Наши взяли плащ и шапку генерала. Документы сгорели. Через несколько дней после засады на это место приехали ВП, чтобы заснять на кино-фильм акт смерти генерала. Наши уже ждали и снова погибло 20 солдат (пресса сообщила) – очень счастливое место.

^aСо дня смерти начинается явное приготовление к операции против нас. Сам ЖИМЕРСКИЙ клянется отомстить за его смерть. Одновременно с этим используют факт смерти, как подготовку общественного мнения против нас, хотя поляки уже были „очень хорошо” против нас настроены. То, что мы убили, это хорошо, а еще лучше, если бы у нас вообще не было.^a

Противник уже заранее планировал операцию широкого размаха, чтобы уже навсегда столкнуть нас с этой „заграничной трибуны”. Однако теперь начал еще более открыто и ускорено.

Операция началась с территории Лемкивщины, а оттуда переходила на территорию Перемышльщины, а оттуда на территорию Ярославщины. Наиболее радикальные методы противник применил на территории Лемкивщины и Перемышльщины. На операцию была брошена большая часть польской армии со всеми родами оружия, включая самолеты. Операция начиналась с того, что выброшено все оставшееся на этих территориях население, не оставляя ни живой души. Даже настоящих поляков. Все в течении 2–3 часов должны были выехать на указанные пункты, а оттуда дальше в глубь Польши, главным образом, на западные бывшие немецкие земли, на так называемые „Одзискане земе” («возвращенные земли»). При этом уже заранее делили на 3 категории. Первые – наименее виновные, выезжали на бывшие немецкие хозяйства; другие – более подозрительные – на очень плохие хозяйства, болота в восточной Пруссии; третьи, о которых доказано, что они сотрудничали с нами, вывезены в концентрационные лагеря, которых в самой Польше сейчас очень много. Уезжающий хозяин мог взять только то, что мог уложить на одну подводку. Те, которые не имели лошадей, получали автомобиль на 4 семьи. Все, что оставалось в селах, ВП грабили, а зерно, картофель и др. вывозили в города. Эта операция была такая поголовная, что в течении очень короткого времени вся территория осталась совсем пустой. Таким способом противник хотел заставить нас

голодом выйти из леса. Одновременно с этим поголовным выкидыванием населения целые дивизии ВП делали облавы по лесам.

Одна такая облава на территории Перемышльщины, во время которой ВП шли развернутым фронтом, шириною 40 км., когда наступала темнота, они зажигали костры и копали позиции, и так развернутым фронтом ночевали. Утром шли дальше. К большому удивлению, во время этих больших облав противник почти не встречался с нашими отрядами и вообще потерь почти не было.

Были еще специальные отряды (только одни большевики), которые независимо от этих частей, которые выкидывали население и тех, которые делали облавы на наши отряды – искали наши убежища. Это проводилось таким образом: определенные части окружали густо пулеметами часть леса, а специальный отряд с железными прутами искал убежища. Так, день за днем, занимая частями, проходили лесные массивы. В выданных местах искали до тех пор, пока не находили. Таким образом погибло много схронов и складов. Из людей в тех схронах не погиб никто, за исключением одного районного организатора „БЫСТРОГО”, который был в схроне под Сильцево, куда привел один подпольщик. В руки противника попало довольно много материала. В большей мере противнику помогало в этом то, что входы в схроны были с потоков.

После выселения населения из сел (тут следует отметить, что осталось по десятку семей подальше от леса и около огорода, однако тут также всех подозрительных вывезли, оставляя наиболее надежных), противник полностью окружил из своими засадами и начал ежедневные облавы в лесах. Это заставило наши отряды с территории Перемышльщины выступить в рейд.

Как только отряды выступили, противник напал на их след и начал погоню. Отряды вынуждены были все время идти с боем. Бои продолжались почти день и ночь в течение полторы недели. Это был рейд 3-х отрядов. В первом прорыве один отряд командира „Ластивки” отбился. Противник окружил его и он понес значительные потери. Дстойно погиб сам командир Л. Два других отряда под командованием командира Б. подались дальше, прорываясь через кольцо врага. Однако противник сейчас же перебрасывал войска автомашинами и снова старался окружить их. Отряды прорвались через р. Сян (которая в течение всей операции была обставлена засадами, чтобы нельзя было перебраться на польскую территорию) и направились в большие засянские леса.

Однако и тут противник непрерывно преследовал их, так что вынудил наши отряды к возвращению. Отряд направляется засянскими лесами, доходит до самого Перемышля и в районе села Острова прорывается в Корманицкие и Кросычинские леса и только тут отрывается на два дня от противника. В этой погоне за двумя только отрядами

принимали участие 4 дивизии ВП, не считая всяких милиций, самооборон, и вообще польского выслужницкого сброда, который служил противнику разведкой и информацией. В этом полуторанедельном рейде эти два отряда имели лишь 4 убитых и несколько легко раненных. Напротив, противник понес очень большие потери. Бои часто были в штыки. Наши стрелки пользовались оружием добытым у врага. Тут нужно отметить, что стрелки в течение всего времени голодали. Были дни, когда уже ели траву. Однако, за исключением нескольких слабохарактерных дезертиров, все выдержали по-геройски.

А сам командир Б. проявил себя очень способным командиром. Геройская выдержка наших стрелков так панически подействовала на противника, что уже в последние дни нашего рейда только сам оклик „Слава!”, который несся из сотен грудей наших воинов обращал ряды врага в бегство.

Как уже сказано, оторванные от противника те два отряда, отдохнув два дня, снова двинулись в рейд, стремясь любой ценой прорваться в Карпаты. Через несколько дней отряды снова встретились с очень большими силами врага в районе села Воли-Водеской³ (Бирчанщина). Тут противник окружил их и бой длился целый день. Как рассказывают некоторые солдаты, то никто уже не думал выйти из этого боя живым. Друзья прощались друг с другом, целовались, а сам командир Б. записал в свой дневник, что это последний бой. Однако у всех было решение или погибнуть, или прорваться. Бой длился целый день. Наши прорывались 4 раза, каждый раз кладя горы вражьих трупов. Не было стрелка, который не имел бы в руках по несколько винтовок и автоматов противника, а расстреляв патроны, бросал и брался за что попало под руки. Противник должен понести большие потери. Как говорят, трупы лежали прямо целыми горами. О потерях с нашей стороны неизвестно. Известно только, что погиб сотенный командир ⁶ „Сухий”⁶.

Прорвавшись, командир Б. сказал отряду, что кто слабый и чувствует, что не выдержит, пусть возвращается, а кто сильный и чувствует, что выдержит, со мною дальше. И тут какая-то часть должна была отойти. Сколько неизвестно. Следует еще отметить, что во время этого боя в течение дня стрелки пели песни.

Сейчас об этом отряде ничего не знаю. А также неизвестно о многих отрядах в Карпатах. Имеются только известия о боях и рейдах по территории Словатчины.

Этими днями пришло известие (верное) об операциях по выселению в Западной Лемкивщине (Криниччина). Тут оно началось сразу после конца июня. Выселяли только оставшиеся украинские семьи. Всех поляков оставили.

Находящийся там отряд УПА имел ряд боев. Один бой на р. Попрад длился целый день. Кроме частей ВП, принимали участие 2 полка войск ЧСР. После этого боя чехи

сообщили о 35 убитых, в том числе один майор, поляки молчат. С нашей стороны один убитый. За отступавшим отрядом УПА, который отступал в глубь Словакии, гнались пограничные части около 30 километров.

В Ярославщине, там, где нет лесов, выселили лишь часть населения, которое могло бы помогать нам. В каждом селе осталось еще по несколько, а то и более десятка семей. Операция тут началась после частичного окончания ее в Перемышльщине. В северных территориях Закерзонья, там, где большие леса, т.е. Синявщина, Любачивщина, Угневщина и Пидляшша, операция сейчас в самом разгаре.

Там, кроме того, противник применил еще поджог лесов, чему способствуют большие массивы хвойных лесов. Подробных сведений об этой территории не имеется. Отряды с этой территории вероятно направились дальше на север в большие белостоцкие леса.

Тут (Ярославщина) перед самой операцией (май) отряд командира К. пустил на заставу ВОП-а в Кальникове „торпеду”. Остались только те, которые были на постах, а остальные 60 солдат вместе с домом взлетели на воздух.

Сейчас на территории Перемышльщины почти спокойно. Больших частей ВП нет. Все, должно быть, погнались за отрядами, которые направились в Карпаты. В выселенных селах проживают репатрианты, привезенные автомашинами с Ряшивщины и Ланцута. Все это почти одни мазуры. Нас очень боятся. Есть случаи, что из сел убегали по 15 и больше семей. Едут они сюда по разному. Некоторые добровольно, а большинство – это тоже подозреваемые в разных „реакционных” делах, а также выселяют сюда малоземельных. Тут они поучают по 5 га земли на семью. Все очень бедные. Коней почти не имеют, коров также. В большинстве все с козами. Поэтому их тут прозывают „козяри”.

Однако, эта репатриация проводится только в селах, более доступных для противника. Напротив, все села, расположенные в лесах, стоят пустыми. В эти села часто наведуются ВП, или такие, у которых постоянно квартируют. Указанные репатрианты получили оружие и держат самооборону. Кроме того, в каждом селе находится по 10 человек так называемой ОРМО (Охотничья резерва милиции обывательской). Эти упомянутые „ормисты” – это уже хорошо вышколенные собаки. К ним дополнительно принимают местных охотников, но таких мало. Было объявление о добровольной записи в ОРМО, а так как немного было охотников, берут теперь в обязательном порядке. Это ОРМО что-то вроде истребителей⁴. Они устраивают засады около сел и следят, чтобы мы не заходили за продуктами. Зная, что отрядов теперь тут нет, отваживаются по 2–3 раза заходить в глубь леса.

Сейчас проходит регистрация оставшихся семей (это в лесных селах). Есть слухи, что эти семьи будут вывозить на запад. В самом Перемышле выселения еще не было. Однако, должно быть и население города каждый день ждет „со страхом”. Хотя в Перемышле одно только польское население, однако, они имеют много подозрительных и, конечно, их будут перекидывать. Как говорят, из Перемышля должно выехать около 5000 человек.

Выселение сразу было очень массовым и проводилось довольно жестким способом. Войска грабили и даже убивали людей. Сексоты, которые до того сидели тихо, боясь нас, теперь открыто показывали кто с нами сотрудничал, или на тех, родные которых находятся в УПА. Такие семьи с места брали на авто и вывозили неизвестно куда. Очень часто людей выкидывали только из хат и выгоняли в поле около села, где они по несколько дней сидели под открытым небом, ожидая дальнейшего решения. Эти люди уже на второй или третий день вынуждены были идти в оставшиеся еще нетронутыми села за подаванием, потому, что начали голодать, хотя и могли возвратиться в свои хаты, чтобы оттуда принести себе что-нибудь, но в хатах уже ничего не было, потому что войско все ограбило.

Население, которое выезжало, старалось как можно больше разрушить свои хозяйства: валили печи, выбивали окна, уничтожали, что только можно было. Каждый день можно было видеть эти обозы людей с коровами, фирами и котомками на плечах, которые покидали свои жилища. Каждый такой обоз провожали солдаты ВП. Однако, люди, не обращая на них внимания, махали белыми платками в сторону леса, а то и кричали: „Будьте здоровы! Не забывайте нас!” Таким способом население прощалось с повстанцами.

Как я уже выше говорил, выселение было поголовным и жестким, по этому поводу подняло крик польское общество (вступаясь за польские семьи), это немного приостановило выселение и даже были польские семьи из сел, которые не выселяли, а только переселяли в села подальше от леса, или из каждого села по несколько таких семей в какое-нибудь одно и тут ставили гарнизон ВП. Сразу про выселение нельзя было даже говорить, за что на месте арестовывали.

Однако, после этого протеста и крика польского населения, операция была даже немного приостановлена и в прессе появились некоторые оправдания и пояснения.

На территории Ярославщины очень часто было так, что войско проводило в селе операцию, оставляя иногда и половину хозяйства. Через несколько дней приезжали снова и забирали оставшихся. Причина та, что крестьяне, которые выехали раньше, выдавали

оставшихся. Это, к сожалению, частое явление. Это происходило в безлесной территории, где оставляли по-немногу людей, как в лесной территории – не знаю.

Про долю тех, которые выехали на Западные земли, известно только о некоторых семьях. Все они, главным образом, в районе Щецина, на бывших немецких хозяйствах. Приехавшие застали только голые стены и пустые пески. Лишь кое-кто получил хозяйство, с которого только что выгнали хозяина немца. В таком хозяйстве застает почти все, потому что когда выгоняют немца, то он имеет право взять только то, что заберет в руки.

Во время этой переселенческой дороги на место назначения, а большей частью на постой в Переворскую, около Ярослава (туда свозили фирами переселенцев и автомашинами, а оттуда сразу на поезд) умерло очень много детей. Имеются сведения, что население из западной Лемкивщины (Горичины, Криниччины) выселено в восточные области Украины.

Это столько об этой варварской выселенческой операции. Факт тот, что враг сегодня уже бессилён, что подтвердил этим последним средством, который имел целью полное наше уничтожение.

Я, как видите, пишу только то, что знаю, главным образом, про Перемышльщину. Однако, сведения о других территориях также правдивы. Сейчас хватит писать, что-нибудь еще, потому что контакт очень трудный, а к тому же не все еще налажено. В конце прошу не брать моей записки, как отчет об этой территории, так как на это я не был уполномочен, а пишу просто по долгу, чтобы как можно скорее сообщить о том, что тут делается, так как проводника З. нет, и никто об этом еще не писал, ну и нет отчетов. Я знаю, что там перебежало много дезертиров и вообще слабого элемента, который тут не выдержал и они наверное распространяют слухи, что тут уже все пропало и т.п. Однако, это не так.

А ко всем, которые переходят туда-сюда, нужно относиться осторожно, так как мы никого пока что отсюда не посылаем и не передаем. Вполне возможно, что такое будет, но с официальным сообщением и поручительными записками. Если кого из этих людей принимаете там на работу, то на свою ответственность. Пока знаем, что туда направились, главным образом, дезертиры и даже провокаторы. Главная причина дезертирства – это вопрос питания. Враг этой операцией нанес нам большие потери и нередко приходится голодать. Однако, это не так уж страшно и с голода, слава Богу, еще никто не умер. А то, что некоторые дезертировали, то может быть и лучше, потому что выясилось, что они слабы и пусть время от времени отпадают, вместо того, чтобы после быть провокаторами.

Этих дезертиров достаточно попало в руки врага. Враг старается сделать из них провокаторов, тех же, которые на это не идут, враг судит и расстреливает. Имеется один довольно грозный провокатор – член окружного провода: окружной господарчий референт „Вышинский”⁵, как он попал в руки врага – неизвестно. Сейчас ходит еще с одним провокатором (боевиком СБ – „Цяпкою”⁶, этот сам явился) и пишет эстафетки, в которых заявляет, чтобы пришли навстречу районные проводники. Это ему тут не удалось, потому, что его уже расшифровали. Однако неизвестно, как на других территориях. Как охрану имеют с собой боевку УБП. Выдают себя как будто откуда возвращаются, а это их охрана. Не везет этим провокаторам еще и потому, что они пошли к врагу еще перед сменой нашей тактики и сейчас они беспомощны.

Жнива в выселенных территориях должно проводить войско. Об этом было официально сообщение в прессе. На территориях должны быть так называемые летные бригады 200–300 солдат, которые будут иметь с собой машины для молотьбы и с места будут забирать зерно.

Вот сколько известий о нашем Закерзоньи. Знайте, что Сталин очень большую услугу сделал нам тем, что отделил эту часть территории. Отсюда идет в свет, действительно, как с „трибуны”, это и слава о том, что делается на Украине.

Посылаю к Вам друга „Сокола” с 4 боевиками. С ним пришлите не меньше 3 своих. Все, что посылаю на Ваш адрес, даю в отдельной записке. Посылаю кое-что из прессы. Прошу посмотреть ее и переслать в адрес „Нечая”. Для Вас прессу смогу послать только в следующий раз, до сего времени почти не было контакта с городом, поэтому прессы имею очень мало.

Имею к Вам некоторые просьбы, а именно: передайте через друга „Сокола” 2 больших военных маринарки и шапки, формация уже зависит от Вас, какие там лучше выдаются; хотя бы 100 штук патронов к ППШ, последний раз передал друг „МАЙ” 100 штук, но они пропали с убитым другом, который был от Вас. Патроны, по возможности, чтобы были новыми, так как это для специальных людей. В отношении тех больших мундиров, то также чтобы были в хорошем состоянии. Кроме того, может быть у Вас есть еще и такие вещи, как чистые польские бланкеты кенкарт, старые польские военные книжки и, может быть, у кого из поляков, которые не выехали, имеются репатриационные документы. Вот такие вещи очень Вас прошу постарайтесь достать.

Если возможно, то прошу организовать, а если имеете, то передайте другу „СОКОЛУ”, несколько пар сапог, а то люди остаются босыми, а пока тут такое положение, что негде ни организовать, ни купить. Про все, что сможете передать, прошу мне написать, а следующий раз перешлю квитанцию.

Также в следующий раз передам в Ваш адрес некоторые материалы.

Дружний привет с Закерзонья
„Птах”

П.С. Люди наверное теперь не смогут прийти, так как будет уже месячно, поэтому прошу прислать их на следующий месяц, как только будет половина. Только так, чтобы люди от Вас могли бы еще в том же месяце вернуться. Их будет уже ждать почта.

П.С. Передаю записку „Ингулу”, „Маю” и „Черноте”.

Верно: (—)

ДА СБУ, ф. 11, спр.С-9108, т. 12, арк. 45–56.

Копія, машинопис.

Примітки

^{а-а} Фрагмент помічений на полях вертикальною лінією.

^{б-б} Підкреслено від руки.

¹ Стисло Дмитро (1920 або 1921 р.н.), псевдо „Ингул”; районний провідник ОУН-Б у Добромильському районі (УРСР).

² Ярошевич Степан (1922 р.н.), псевдо „Роберт”; член ОУН-Б з 1941 р.; з 1944 р. організаційний референт надрайону ОУН-Б „Холодний Яр”; в 1946–1947 рр. провідник надрайону „Верховина”; загинув разом із „Степовою” в лютому 1947 р. у Бартному під час сутички з ВП.

³ Правдоподібно: Воля Володська.

⁴ Йдеться про членів Винищувальних батальйонів.

⁵ Гамівка Ярослав (1918–1998), псевдо „Вишинський”, „Метеор”; з 1944 р. член ОУН-Б і, за даними польської літератури, агент радянських органів безпеки, до липня 1947 р. був господарсько-фінансовим референтом I Округу ОУН-Б; вийшов з підпілля і розпочав співпрацю з УБ (агент/ТС „Ураган”) – розробляв не лише українське, а й польське підпілля (операція МГБ „Цезари”).

⁶ Грицько Дмитро, псевдо „Цяпка”, член БСБ, після того як був схоплений солдатами ВП, був засуджений до довічного ув’язнення; звільнений у 1956 р., згодом виїхав до Австралії.

⁷ Сорока Мирослав (1922 р.н.), псевдо „Птах”, „Богдан”, член ОУН, згодом ОУН-Б; керував охороною „Орлана”; в 1947 р. перейшов на територію УРСР, загинув 23 вересня 1947 р. у бою з солдатами внутрішніх військ МВС СРСР.